

ГОЛУБАЯ СОБАКА

Желтое солнце просеивало жидкие лучи сквозь утреннюю дымку, предвещая этим сильную дневную жару. Оно освещало плоские крыши саманных землянок, привязанного к телеграфному столбу верблюда, идущую с гнутым кувшином к водоколонке чеченку да двух мальчишек, играющих в сапун-гору на куче песка среди горбатого проулка. Большой рыжий пёс с обвислыми ушами был явно заинтересован их игрой, громыхая опостылевшей цепью бегал, скуля, вдоль землянки взад-вперед, то при-вставал на дыбы, то царапал лапами закаменелую землю.

Мальчишки были в латанных-перелатанных штанишках, в ситцевых рубашонках, оба босые, худенькие и почти одинакового роста. Издали их можно принять за близнецов, но вблизи разница между ними была очень заметной. Один - кареглазый, с мягкими щеточками темных бровей, с загоревшим скуластым лицом, энергичный, костистый, падал от воображаемых пуль артистично, складывал грязные кулачки и бойко отсчитывал "тра-та-та-та"; другой - бледноватый, желтоволосый, голубоглазый - играл тоже увлеченно, но взбегал на мнимую сапун-гору не совсем уверенно, а вступив в рукопашную, тут же надламывался, как тростинка, опрокидывался на спину, смешно закатывал под лоб глаза.

- Франц, дохлая говядина, вперед! - бодрил своего противника мальчишка из-за кучи песка.

- Больше не хочу быть немцем, - сказал Франц после одного из набегов. - Давай, Ванюшка, теперь ты будь немцем.

- Давай, - охотно согласился чернявый.

Франц залёг на вершине, а Ванюшка, зажав в зубах щепку, пополз вверх, и когда после непродолжительной схватки занес над поверженным "врагом" щепку-кинжал, кто-то больно ухватил его за ухо. Ванюшка крутнулся и, чуть не оставив ухо в пальцах дядьки Равиля, задал стрекача в ближайший проулок. Франц тоже проявил невиданную раньше прыть.

- Ай, дети шакалов! - взвизгнул дядька Равиль и схватился за ошейник своей рыжей собаки. - Я вам, кулюганам, дам, песок аулом таскать! Для вас два машина возил!? - освободил от цепи пса и скомандовал. - Таймас, уру их, уру!

Собака рванулась за Францем, настигла его у карбидного завода, высоко подпрыгнула и, приземляясь, успела лизнуть в щеку.

- Таймас, фу, Таймас! - отстранялся мальчишка от здоровенных собачьих лап. Но пёс слишком долго завидовал играющим

ребятам, чтобы так просто успокоиться: прыгал вокруг, лаял, таскал Франца за штанину.

Ванюшка сидел в школьном дворе на спортивном бревне и насвистывал мелодию из кинокартины "Большой вальс". Увидев Франца, спрыгнул, и оба, схватившись за животики, начали смеяться.

- Таймаса, Таймаса наузюкал на меня! - колокольчиком заливался Франц.

- Ху-ху-ху, - захлебывался Ванюшка, поймал собаку и поцеловал в черный холодный нос. Пёс с недоумением отпрыгнул, повиливая хвостом.

А солнце, между тем, расплывало утреннюю дымку и теперь беспрепятственно опаляло приземистое, выбеленное зданием школы, ее каменистый двор, раскинутую за ними и без того выжженную до последней былинки степь. Корявые кусты джигиды свесили вдоль школьного забора свои длинные серебристые листочки, а сиренево-бледные метёлки тамариска чуть покачивались под горячим движением воздуха.

- Сорок пять градусов будет сегодня, - сказал Франц, балансируя на бревне.

- Сорок семь, - отозвался Ванюшка, обрывая с колючих, золотисто-коричневых веток джигиды недозрелые, продолговатые, зелёно-бархатистые плодики.

- Ты дрых, а по радио говорили.

- Ну и что, что дрых, уши же не дрыгли.

И оба, одновременно вспомнив, сорвались, перемахнули через железный забор, рванулись опять в аул. Таймас прыгнуть через забор струсил, промчался туда-сюда вдоль, протиснулся в дырку и кинулся следом за мальчишками.

Марта читала за столом книжку, то и дело взглядывая в оконце. Она опаздывала на работу, а мальчишки, как провалились. На вид Марте лет шестнадцать. Она очень похожа на Франца: те же желтоватые волосы, только овал лица чуть нежнее, да голубые с чуть заметными крапинками глаза, будто подернуты слезами. Она еще помнит широкую Волгу, опущенные в воду густые ветви раkit, похожих на хилую джигиду своими узкими листочками. Помнит спокойное доброе лицо отца, подбеливающего в саду старые яблони. Помнит, как плакала мать, когда его увезли куда-то в начале войны. Потом и они ехали в тесном душном вагоне вместе с другими немцами на переселение. Поезд то днями простаивал у какого-нибудь телеграфного столба, то мчал мимо больших городов и сёл. В один из таких дальних перегонов к их столу-чемодану приблизился замурзанный, заплаканный маль-

чонка. Он попал к немцам в вагон неизвестно где. Весь день ревел и никто не мог дознаться, куда подевалась его мать. Устав от бесполезности расспросов, от него отстали самые сердобольные, и он гудел то в одном углу, то в другом. Подошёл к ним. Оттер грязными кулачками слезы, робко взял с чемодана кусочек хлеба. Тогда еще совсем маленький Франц оттолкнул нахального сверстника, но мать строго прикрикнула, протянула мальчику кусочек кровяной колбасы. Выяснилось, что зовут Ванюшкой, его мама сказала, что покатает на поезде, посадила в вагон, побежала на станцию купить сладких петушков и не пришла, и не пришла, а поезд с ним, Ванюшкой, уехал.

Марта, Франц, их мама и Ванюшка высадились ночью на какой-то станции. Шли темной степью, сонно спотыкались. Вещей было много, и каждый нагружен был не по силам. Впереди - ни огонька, а в затылки всё светят и светят две лампочки с железнодорожной платформы. Потом они расположились на земле в школьном дворе. Лежа под одеялом между Францем и Ванюшкой, Марта смотрела в низкое черное небо и слушала какой-то неумолчный шум в стороне. А утром увидела этот аул, спящих вповалку людей и старого дядю Германа. Смешно раздувая щеки, он дул на сизую ленточку дыма костерка. Дядя Герман сказал, что это шумит большое азиатское озеро Балхаш, что всем им очень повезло, в озере есть, наверное, рыба, а с рыбой выжить - пара пустяков, да и работа к тому ж будет, поскольку из-за пригорка видны фабричные трубы. Купили у казахов эту землянку (домик из саманных блоков с плоской крышей, засыпанной землёй), слепили из глины летнюю кухню.

Теперь Марта работает в цехе, где готовится медный концентрат. Война закончилась еще в прошлом году и, говорят, отец должен вернуться из трудового лагеря. Некоторые мужчины уже вернулись, отца же всё нет и нет. Скорей бы, а то мама лежит в больнице, и жить стало совсем плохо. Заработка Марты совсем не хватает, спасибо Николаю Ильичу, выписал хлебную карточку и на Ванюшку, триста граммов - целое богатство.

А Ванюшка парень хороший. Много шалит, но учится лучше Франца. У Ванюшки даже по немецкому пятерка, а у Франца с тяжкой тройка. Правда, у некоторых немецких ребят по немецкому даже двойки, хотят, наверное, доказать своим соклассникам, что не знают "фашистского" языка и знать не хотят. Ванюшка, если попросишь, не увильнёт от самой тяжелой работы. С озера рыбку чуть ли не каждый вечер приносит. В воскресенье встанет пораньше, Франца разбудит, идут на хлебозавод грузчиками. За это им после работы все хлебные крошки разрешают собрать, из

которых Марта, купив баночку козьего молока, печет вкуснейшие торты. Попадётся хороший начальник, может и по чёрному прянику одарить. Половинку сами съедят, половинку ей принесут, другой пряник - маме в больницу.

Весной однажды Марта стоит у афиши в рабочем поселке. Кино "Большой вальс". До слёз хотелось посмотреть! Но нет, как хозяйка дома, не могла позволить себе такой роскоши. Вдруг - Ванюшка за руку - цап! "В кино хочешь, Марта? Пойдем, проведем тебя!" Надеюсь на какое-то его чудо, пошла следом. А у входа приплясывает Франц, так ему в кино скорей хочется. Ванюшка смело подходит к контролерше: "Тетя Фрося, мы с Францем вчера афиши клеили, сами в кино бесплатно не пойдем, можно вместо нас двух маленьких наша большая сестрёнка пройдет?". Контролерша засмеялась: "Можно. Проходите, девушка... Ну и вы заодно. Как же без кино своих работников оставить".

Сиплый фабричный гудок пробился в тесную землянку... Где же они есть? Это тоже Ванюшкина причуда - подниматься на восходе солнца и до завтрака совершить какой-нибудь подвиг... Так стыдно будет опоздать на работу!

Мимо оконца с гиком промчались Ванюшка и Франц.

- Где вы ходите? - на немецком спросила Марта, сдвинув брови.

- Мы играли, - ответил по-немецки Ванюшка.

- Правда... играли, - подтвердил по-русски Франц.

Сестра молча выложила на стол два растрескавшихся жёлтых помидора, две пластиночки хлеба, налила в тарелки фасолевого супа, сняла с вешалки старенький пиджак и уже на выходе сказала по-русски:

- Кушайте и сбегайте к маме в больницу. В столе лежит печенье, сахар. В десять часов не будете спать, получите у меня.

Ребята облегченно вздохнули. Они знали привычку Марты: когда она очень сердита - говорит только по-немецки, когда добрее - путает немецкий с русским, а когда совсем добрая - вставляет слова из украинского и казахского. Потому мальчишки радостно кивнули:

- /a!..

Марта открыла дверь на улицу, дохнувшую на нее жаром наступающего дня, и замерла от испуга. У порога лежала, свесив из пасти красную ленту языка, огромная рыжая собака. Подумала было кликнуть Ванюшку, чтобы прогнал этого страшного, переродившего дорогу пса, но вспомнив, что сердится на него, смело перешагнула через собаку и пошла, даже не оглянувшись.

- Таймас, ко мне! - крикнул Ванюшка, приоткрыв дверь.

Пёс живо проскочил в прохладный полумрак землянки. Ванюшка плеснул суп в жестяную банку из своей тарелки, из тарелки Франца - поставил на пол.

После завтрака Франц решил нарисовать море и парусник. Так как чистой бумаги не было, он всегда рисовал на старых газетах. Ванюшка долго сопел у него над ухом и вдруг сказал:

- Нарисуй Таймаса!

- Таймаса я не могу. Я только - море и парусник.

- А ты попытайся.

- У меня нет рыжего карандаша, только голубой, который ты подарил мне на день рождения.

- Ну, голубым нарисуй.

- Разве голубые собаки бывают?

- А море же "черное" есть?

- Есть, - согласился Франц.

- Вот так, как спит, нарисуй! Я не буду смотреть, уйду.

- Не смотри.

Ванюшка, чтобы не разбудить пса, на цыпочках прокрался к двери. Собака, не открывая глаз, простукала хвостом по земляному полу.

Солнце висело в бледно-голубом небе слепящей капелькой ртути. Проулки аула, словно вымерли. Чёрным призраком проскользнула все та же чеченка с гнутым кувшином, да где-то жалобно мекала коза. Погоняв от нечего делать пустую консервную банку, пнув ее подальше, Ванюшка вспомнил: удирая от хозяина песка, дядьки Равиля, пробегая мимо дома Борьки Преображенского, краем глаза заметил грузовую полуторку, хотя за Борькиным отцом всегда приезжал "Виллис". Надо выяснить, в чем дело.

У единственного в ауле кирпичного дома, заложив в рот пальцы, свистнул. Толстомордый Борька, отодвинув плюшевую оконную штору, выглянул, прожёвывая что-то.

- Чего, ялошка, надо?

В другое время за такую дразнилку Ванюшка бы не посмотрел, что Борька на два года старше, но сейчас, в эту разморенную жару, лишь пригрозил:

- Потихе, Кабан! Сопатку намою - к мамке побежишь.

- Я? От тебя? - скривил жирные губы Борька.

Но у Ванюшки не было желания и препираться.

- За папахеном приехали? - кивнул на грузовик.

- На рыбалку с ночёвкой поедем.

- Ух ты! - не сдержал восхищения Ванюшка.

- Папа, папин начальник, дядька Гришка и я.

- Борь, а Борь, - просительно глянул Ванюшка, - возьмите и меня с собой. Я умею такую насадку на крючки делать!

- На крючки! - хохотнул Борька. - Мы неводом ловить будем!

- Я умею сети штопать, грузики и поплавки вязать, рыбу быстрее всех выпутываю... Попроси у отца, а?

- Ладно, так и быть, спрошу...

Ванюшка чуть не спёлся от жары, пока в окне снова не появилась Борькина мордашка с заплавленными глазами.

- Япощка, иди, отец зовет!

Не обратив внимание еще на одно оскорбление, Ванюшка спешно нырнул в прохладный коридор.

За столом, уставленным невиданной едой, сидели веселые, раскрасневшиеся взрослые.

- А, Ванька-встанька, - добродушно улыбнулся во всю ширь лица Борькин отец. - Я-то думаю, какой такой япощка в нашем поселке объявился. С чего это тебя так окрестили?

Борька от смеха схватился за живот.

- Пап, это когда он пришел в первый класс, у него спросили "ты за луну или за солнце?" Если за луну, значит, за советскую страну, если за солнце, значит, за пузатого японца. Он, дурак, не знал и ляпнул "за солнце". Теперь все и дразнят "япощкой".

Взрослые рассмеялись, а Ванюшка готов был провалиться сквозь пол от стыда.

- Николай Евсеевич, - обратился Борькин отец к высокому, тощему, как скелет, мужчине, - шустрый парнишка. Прошлым летом в одиночку полмашины кирпича накидал... за порцию мороженого.

Взрослые опять рассмеялись, один тощий начальник даже не улыбнулся.

- Мать не будет ругать? - спросил он.

- Не будет, - выдохнул Ванюшка. - Мама лежит в больнице.

- Сирота он, - вздохнул Борькин отец. - Так, подобрала одна немка на дороге. Не живет парнишка - мается.

Эти слова больно скребнули по Ванюшкиному сердцу, но он опустил голову, чтобы не наговорить всем чего-нибудь лишнего.

- Беги домой, - махнул костяшкой руки начальник, - найди бахралишко потеплей, с ночёвкой едем.

- Спасибо, - прошептал Ванюшка, осторожно прикрыл за собой дверь, и только оказавшись на изнывающей от жары улице зашмыгался, подпрыгнул, шуганул спящую в тени дома кошку и полетел к своей землянке.

Франц грустно выслушал его рассказ, а когда Ванюшка рылся в кладовке, разыскивая старую фуфайку, шмыгнув носом, сказал:

- Я тебе голубую собаку нарисовал. Могу подарить.

- Покажи... Ух ты! Точка в точку - Таймас!..

Хлопот было много. Уложил в заплочный мешок дырявые резиновые сапоги, обрывок пенькового каната, кусок брезента, моток медной проволоки, соль, огурец и кусочек сэкономленного от обеда хлеба.

Франц тем временем сходил в рабпосёлок к матери в больницу и вернулся оттуда грустнее прежнего. Бродил проулками заглядывал в щели сараев, рисовал углем собаку на облупленной извёстке стены.

А солнце, казалось, не желало расставаться с и без того обожженной землей. Нетерпенье Ванюшки перешло все пределы. От нечего делать играли с Борькой в пристенок - били монетами о стену, и выигрывал тот, кто врасстяжку пальцами касался двух лежащих на земле монет. Несмотря на успешный выигрыш - двадцать копеек, Ванюшка то и дело поглядывал на дверь. Наконец взрослые по одному стали выбираться из дома. Тут же бросил игру, суетливо помогал грузить дрова, палатку, невод, котелки, ведра.

Машина, подрагивая, урчала. Ванюшка сидел в кузове у кабины рядом с Борькой.

- Сила! А? Здорово? - больно тыкал локтем в бок Борька.

- Сила, - кивал Ванюшка.

Рядом примостились повар из чайханы, дядя Гриша, и одноногий Васька-рыбак. Последними вышли шофёр, Борькин отец и начальник Николай Евсеевич.

В этот же момент Ванюшка увидел вышедшего из проулка Франца и вылетевшего стрелой из-за угла землянки Таймаса. На Франце было, в такую-то жару, пальто, которое он и Ванюшка зимой носили по очереди, из-за чего учились в разные смены. В руках у Франца были удочки и ведро, Ванюшка вспомнил, что крючки с удочек недавно срезал просто на случай неудачи ловли неводом. И еще его удивило, почему двинул к озеру не напрямик, а дал такого кругаля.

Сердце защемила мысль: Франц останется на всю ночь один, он, Ванюшка, бросает брата-друга, как предатель, и если взяли его на рыбалку, то почему не взять и Франца, и умного Таймаса...

Нет, не возьмут, - народа полная машина, ни за что не возьмут.

Борькин отец, крикнув, повалился рядом на тулуп. Хлопнула дверца кабины.

- Поехали!

Машина дёрнулась. В красном от закатного солнца воздухе Ванюшка увидел, как мелькнул рукав старого пальто и закрыл лицо Франца. Выбросив на обочину пыльной дороги фуфайку и вещмешок, перешагнув через деревянный протез Васьки-рыбака, Ванюшка перевалился через задний борт.

Кто-то забарабанил по кабине. Машина резко затормозила.

- Что случилось? - обеспокоено высунулся начальник.

- Да тут пацан не захотел ехать! - досадливо махнул рукой Борькин отец. - Свяжись с сопляками, сам не рад будешь!.. Поехали!

Франц, обхватив телеграфный столб руками, горько плакал. Таймас растерянно помахивал рядом хвостом.

- Ладно тебе! - сказал Ванюшка. - Разнылся! Еще красным командиром хочешь стать!.. Идём, без них обойдемся. Я у старого пирса знаю такое местечко - сазаны удочки перегрызают! Пойдешь со мной?

- Ia, - всхлипнул Франц.

В эту ночь Ванюшке сказочно везло. Среди полсотни крупных окуней в ведре бултыхались две пятнистых маринки, килограммовый сазанчик и с полсотни окуней. Таймас, объевшись "малявками", все же ревниво следил за вздрагивающим поплавком. Франц собирал вдоль лунного берега мусор для костра. От зеркально-огненной воды тянуло запахами тины, рыбной слизи и глубинной сырости.

К утру звёзды окончательно захлебнулись в лунном свете, костер чуть тлел, а Ванюшка продолжал таскать окуней. Франц сидел на песке, обхватив колени руками, с долгим изумлением глядя на дремлющую собаку, шерсть которой искрилась голубым светом.

1973

